

I. Условия возникновения и развития большевистской партии

Тридцатилетие существования нашей партии—это факт громадного международного значения. В этом году исполняется 30 лет со времени второго съезда партии, на котором были поставлены все основные вопросы большевизма. Особенно выпукло, резко, ярко поставлен был вопрос об организационных основах построения нашей партии.

Владимир Ильич, говоря о возникновении нашей партии, во главу угла ставил, прежде всего то, что партия наша возникла на гранитной основе революционного марксизма. Прежде чем выйти на арену политической борьбы в качестве политической партии, Ленину и его сторонникам пришлось проделать огромную работу, сложную, продолжительную борьбу со всякого рода немарксистскими теориями, со всякими попытками искажения, фальсификации, подделки революционного марксизма.

Эта работа, которую Ленин начал с 90-х годов, является продолжением борьбы Маркса и Энгельса за боевую партию пролетариата, способную совершить и завершить социалистический переворот.

„Союз коммунистов“, организованный Марксом, был именно этой первой организацией коммунистической партии. Маркс с первых же дней своей политической работы вел борьбу со всякого рода непролетарскими течениями, со всякого рода мелкобуржуазными, анархистскими взглядами.

„Союз справедливых“, в котором Маркс одно время принимал участие, не мог быть такой организацией рабочего класса. „Союз справедливых“ выдвигал лозунг—„все люди братья“. Но если все люди братья, то и капиталист и рабочий—братья, помещик и его крепостной—братья, палач и его жертва—братья. На этой основе не могло быть никакой действительно революционной классовой борьбы.

Вместо этого поповского лозунга, лозунга неревolutionного, антипролетарского, Маркс выдвинул лозунг: „Пролетарии всех стран, соединяйтесь“. Это был лозунг, который способен был объединить рабочий класс для революционной борьбы, для пролетарской революции. „Коммунистический манифест“, вышедший в 1848 году, был программой рабочего класса, он дал идейную

основу построения партии. Маркс выдержал борьбу внутри Интернационала с анархистами Бакуниным, Прудонем, представителями мещанского социализма, всякого рода реформистами, которые по сути дела выражали интересы не рабочего класса, а интересы чуждых и даже враждебных пролетариату классов. Маркс стремился к тому, чтобы организация рабочего класса была строго классовой. Он предвидел,

Е.М. Ярославский.

что в среду рабочего класса придут и выходы из других классов, из мелкой буржуазии. Но он требовал, чтобы каждый, кто приходит в партию рабочего класса, оставял за порогом свои буржуазные, мелкобуржуазные, непролетарские взгляды, чтобы он решительно с ними разделался.

Народники считали, что учение Маркса—это не для России. Там, дескать, в Германии, во Франции и в других странах Западной Европы, где капитализм расцвел уже пышным цветом, где было широко развито рабочее движение,—там учение Маркса может иметь большое применение. А в России учение Маркса неприменимо, потому что в России, по мнению народников, нет даже пролетариата. Народники не могли понять и не понимали лозунга Маркса—„Пролетарии всех стран, соединяйтесь“. Они не пролетариат считали главной движущей силой революции, а „народ“. А под словом „на-

род“ они понимали и рабочий класс, и крестьянство, и ремесленников, и городское мещанство, и интеллигенцию. А из этого народа как **главную силу**, движущую силу революции, они выделяли крестьянство. Они говорили: „человек будущего—это мужик, а не рабочий“.

Лозунг „Пролетарии всех стран соединяйтесь“ для народников не был следовательно, приемлемым в качестве боевого лозунга борьбы.

Когда Ленин выступал на арену политической борьбы, он прежде всего столкнулся с народниками. В этой борьбе с народниками молодой Ленин обнаружил себя действительным наследником, проводником революционного учения Маркса. Его первая работа: „Что такое друзья народа и как они воюют против социал-демократов“ заканчивается замечательным наброском всего хода развития пролетарской партии и пролетарской революции: „На класса рабочих и обращают социал-демократы все свое внимание и всю свою деятельность. Когда передовые представители усвоили идеи научного социализма, идею об исторической роли русского рабочего, когда эти идеи получают широкое распространение и среди рабочих создадутся прочные организации, преобразующие теперешнюю разрозненную экономическую войну рабочих в сознательную классовую борьбу,—тогда русский рабочий, поднявшись во главе всех демократических элементов, свалит абсолютизм и поведет русский пролетариат (рядом с пролетариатом всех стран) прямой дорогой открытой политической борьбы и победоносной коммунистической революции“.

Владимир Ильич уже тогда сформулировал и поставил задачу: сначала создать пропагандистские кружки, в этих пропагандистских кружках передовых рабочих добиться того, чтобы они усвоили идею научного социализма, идею об исторической роли русского рабочего. И когда через этих передовых рабочих распространятся идеи революционного марксизма на более широкие круги рабочих, когда среди рабочих создадутся прочные организации (партии),—только тогда,—говорил Ленин,—можно будет преобразовать теперешнюю разрозненную экономическую борьбу рабочих в сознательную политическую

классовую борьбу. И только тогда, когда создастся партия рабочего класса, русский рабочий, поднявшись во главе демократических элементов, свалит абсолютизм, свалит царское самодержавие. Но он на этом не остановится. Он немедленно, по мере своих сил, поведет русский пролетариат рядом с пролетариатом всех стран прямой дорогой открытой политической борьбы к победоносной коммунистической революции.

Что же дало возможность Ленину, как и Марксу, предвидеть исход движения рабочего класса, ход и перспективы развития человеческого общества? Эту возможность предвидения, возможность определить условия и результаты борьбы, дает **революционная теория**. Огромное значение поэтому Маркс и Энгельс, а вслед за ним Ленин и Сталин—придают революционной теории. Владимир Ильич говорил, что без революционной теории не может быть революционного движения, что роль передового борца может выполнить только партия, руководимая передовой теорией. Следовательно, когда мы сейчас предъявляем к каждому члену и кандидату партии определенные требования в области теории, когда мы говорим, что он должен знать хорошо историю, программу и решения партии, должен овладеть необходимым минимумом теоретических знаний, то это есть требование, которое Ленин и вся партия предъявляли **всегда** к каждому большевику. Для нас,—говорит Владимир Ильич,—теория не догма, а руководство к действию. И то, что наша партия с самого начала своего образования строилась на основе этой теории, дало ей возможность отделить себя от всех других партий, выковать такие революционные кадры, которые ни при каких условиях не сворачивали с революционного пути, которые при всех событиях оставались верными революционному учению марксизма.

Поднятое Лениным знамя революционного марксизма оказалось в крепких руках. Ленин очень много сделал для самостоятельной разработки марксизма применительно к новой эпохе, к эпохе развития империализма, когда уже развивались империалистические войны, развивалась пролетарская революция.

II. Значение организации

Партийная организация для рабочего класса—это все. Ленин в 1904 г. писал в своей работе „шаг вперед, два шага назад“:

У пролетариата нет иного оружия в борьбе за власть, кроме организации. Разъединяемый господством анархической конкуренции в буржуазном мире, подавленный полневольной работой на капитал, отбрасываемый постоянно „на дно“ полной нищеты, одиночества и вырождения, пролетариат может стать и неизбежно ста-

нет непобедимой силой лишь благодаря тому, что **идейное объединение его принципами марксизма закрепляется материальным единством организации**, сплачивающей миллионы трудящихся в армию рабочего класса. Перед этой армией не устоит ни одряхлевшая власть русского самодержавия, ни дряхлеющая власть международного капитала“ (подчеркнуто мною. Е. Я.).

Когда Ленин писал эти слова, нас большевиков, было всего несколько сот

человек. Лишь в 1908 г. образовалась наша партия. И вот это подчеркивание значения организации и есть одна из особенностей большевистской партии.

Когда мы спорили на II съезде о том, кто должен быть членом партии, меньшевики, примерно, так ставили вопрос, как ставили его другие социал-демократические партии. Программа партии необходима, на основе программы надо объединяться. Но,—говорили меньшевики, достаточно, если люди признают эту программу, и признают устав

партии. Не обязательно, чтобы каждый член такой организации подчинялся всем директивам своей организации, чтобы все решения он считал для себя безусловно обязательными, чтобы он входил в какую-нибудь ячейку, что бы он платил в эту ячейку членские взносы. Все это не обязательно,—говорил и меньшевики и в дальнейшем они расшифровали свои взгляды.

(Продолжение смотри на 2-й странице).

В 1905-1906 гг. они стали проповедывать идею „широкой рабочей партии“, требовали созыва „рабочего съезда“. „Рабочая“ партия, по проекту меньшевиков, должна была впитать в себя не только членов политической организации, но и всех членов профсоюзов, кооперативных организаций, просветительных обществ, всякого рода культурных кружков и т. д.

Мы же очень хорошо знаем, что одно дело—сознание члена профсоюза, а другое дело—сознание члена **политической партии**. Каждый парикмахер может понять, что надо объединяться с другими парикмахерами для защиты своих интересов, но не всегда он поднимается до уровня понимания того, что его интересы, интересы парикмахера, одинаковы с интересами шахтера, металлиста, текстильщика, сапожника. Не всегда он возвышается до понимания **общих** интересов рабочего класса. Люди могут сознавать необходимость участия в кружке мандолинистов, но это еще не значит, что они готовы вести политическую борьбу. Меньшевики говорили, что членами партии должны **считаться** все стачечники. В 1905 г. были сотни тысяч стачечников, забастовщиков, участников демонстраций. Но были ли они членами партийной организации? Нет, не были. Меньшевиков топили, растворяли авангард в классе в целом и в массе мелкобуржуазных попутчиков.

Большевики же считали, что нам нет надобности гнаться обязательно за многочисленной организацией—дело не в численности, а в сознательности и организационности передового слоя, авангарда. Рабочая партия должна быть именно этим передовым слоем, авангардом; наиболее сознательным, наиболее революционным и самоотверженным. И Ленин подчеркивает громадное значение этого авангарда, указывает на то, что силу его никак нельзя измерять его численностью. Он говорит:

„Партия — сознательный, передовой слой класса, его авангард. Сила этого авангарда раз в десять, в сто и более велика, чем его численность. Возможно ли это? Может ли сила сотни превышать силу тысячи? Может, и превышает, когда сотня организована. Организация удешевляет силы.

Сознательность передового отряда в этом между прочим и проявляется, что он умеет организоваться. **А организуясь, он получает единую волю, и эта единая воля передовой тысячи, сотни тысяч, миллиона становится волей класса.**

После раскола на II съезде, когда мы стали говорить о новом съезде партии, о съезде одних большевиков, в наших рядах нашлись примиренцы, которые этому противились: „как же, дескать, пойти на раскол: две партии в рабочем классе—это ослабление нашей силы“ и т. д. Ленин тогда писал:

„Либо мы сплотим действительно железной организацией тех кто хочет **воевать**, и этой маленькой, но крепкой партией будем громить рыхлое чудовище новоисковокских разношерстных элементов, либо мы докажем своим поведением, что мы заслуживаем гибели, как презренные формалисты“.

Ленин не случайно употребляет

слово „воевать“, не случайно называет нашу партию воюющей партией.

„Если,—говорит Ленин,—мы не хотим явить миру отвратительнейший образец высохшей и анемичной девы, гордой своей бесплодной моральной чистотой, то мы должны понять, что **нам нужна война и военная организация. Только после долгой войны и только при условии великопленной военной организации может наша моральная сила превратиться в материальную.**

„Либо новые, молодые, свежие, энергичные **военные организации** повсюду для революционной социал-демократической работы всех сортов, всех видов и во всех слоях, либо вы погибнете со славой „комитетских“ (формалистов) людей с печатями“.

(Подчеркнуто мною. **Е. Я.**)
Если проследить весь дальнейший ход борьбы, то мы увидим, что Ленин был абсолютно прав. Организация у нас была маленькая, но мы этой маленькой организацией действительно громили рыхлые чудовища новоисковокских разношерстных элементов.

Всякий, кто участвовал в подпольной борьбе, помнит, что часто нам приходилось небольшой группой в 5-10 человек останавливать большой завод. Эти 5-10 человек составляли крепкий кружок людей, надежных, прошедших известную выучку, школу, людей связанных с партийной организацией. Чем они были сильны? Во-первых, железной дисциплиной. Во-вторых, крепкими связями с массами. Дисциплина превращается в пустой звук, если она не подкрепляется этой самоотверженностью и преданностью партийца и связью с массами. Иной думает: я вот дисциплинированный член партии, плачу членские взносы, всегда хожу на собрания, голосую всегда „за“. Этого мало. Надо, чтобы это проверялось самоотверженностью в борьбе за то дело, которое партия считает наиболее важным в данное время. Надо так быть связанным с массами, чтобы 5-10 человек, если надо, повели за собой с 100 раз большее количество людей.

Ленин считал, что мы должны создать именно такую организацию профессиональных революционеров, т. е. людей, которые себя целиком отдают делу революции, которые, как покойный С. И. Гусев или Свердлов, на вопрос об основном занятии могли ответить: „пролетарская революция—вот мое основное занятие“. Революционная работа—основное занятие,—так Ленин мыслил себе организацию нашей партии, так он ее строил. Ты можешь быть слесарем, токарем, парикмахером, шахтером, писателем—кем угодно; но основное для тебя—дело пролетарской революции. Твоя партийная работа—это самое важное, ради чего ты, большевик, должен отбросить все, если надо—и семейные привязанности и все, что тебя отрывает от партийного дела.

В период первой революции партия большевиков не была численно больше всех остальных организаций. Наоборот: меньшевиков, бундовцев, эсеров, максималистов, анархистов всякого рода и т. д. было гораздо больше, чем нас. Но большевики были сильны своей замечательной сплоченностью, сильны тем, что мы резко, идейно отгораживались от всякого рода оппортунистов. Мы строили свою организацию, как организацию централистическую—создавая властный, авто-

ритетный партийный центр, решения и воля которого обязательны для всех членов нашей партии.

В период реакции разгромлены были все организации, в том числе и большевистская. Но из всех разгромленных организаций наша, большевистская, наиболее сохранилась идейно и организационно, хотя и у нас были всякого рода отколы, отходы, вроде группы „впередовцев“, отзовистов, богостроителей, богоскателей. Партия из подполья вышла наиболее крепкой, хотя численно и маленькой.

Наша партия всегда считала важным не численность, не погоню за количеством, а прежде всего, идейную чистоту и закалку, революционную преданность и готовность идти на величайшие жертвы, на настоящую революционную борьбу.

Когда меньшевики организовывали свою партию, они исходили из взглядов на революцию, которые защищал мировой оппортунизм. В период расцвета капитализма, когда буржуазия могла подкупить верхушечную часть рабочего класса, оплачивая ее за счет выжимания пота у низкооплачиваемых рабочих, за счет колониального грабежа, она создавала целый слой рабочих, которые очень неохотно слушали о революционной борьбе.—К чему революционная борьба, рассуждали эти люди, когда можно потихоньку, полегоньку накапливать гроши, класть сбережения в сберегательную кассу, по-

III. О партийной дисциплине

Каковы были организационные основы, на которых строилась наша партия. Здесь нужно прежде всего подчеркнуть вопрос о партийной дисциплине. В период подпольной борьбы дисциплина имеет исключительно громадное значение. Людей, которые не подчинялись партийной дисциплине, мы исключали из партии, несмотря на то, что иногда у них были большие заслуги. В период когда мы готовились к вооруженному восстанию, Ленин настаивал на исключении из партии Зиновьева и Каменева, как штрейкбрехеров, именно потому что они и нарушили партийную дисциплину выступили против решения партии о восстании в „Новой жизни“, которая была органом полуменьшевистской организации, боровшейся тогда против нас.

Спустя два с половиной года после Октябрьской революции Ленин писал: „Наверное теперь уже почти всякий видит, что большевики не продержались бы у власти не то что два с половиной года, но и два с половиной месяца без строжайшей, постоянной железной дисциплины в нашей партии, без самой полной и беззаветной поддержки ее всей массой рабочего класса, т. е. всем, что есть в нем мыслящего, честного, самоотверженного, влиятельного, способного вести за собой или увлекать отсталые слои“.

Почему нужна эта дисциплина? Ленин говорил:

„Диктатура пролетариата есть упорная борьба, кровавая и бескровная, насильственная и мирная, военная и хозяйственная, педагогическая и административная против сил и традиций старого общества. Сила привычки миллионов и десятков миллионов—самая страшная сила. Без партии, железной и закаленной в борьбе, без партии, пользующейся доверием всего честного в данном

купать хорошую мебель, устраивать хорошую квартиру, добиваться кое-каких уступок, улучшений. А социал-демократы говорили: „к чему вооруженное восстание—никаких восстаний, да они и невозможны, никаких революций не нужно, нужно завоевывать в парламенте большинство мест,—и тогда власть будет в наших руках“. И русские оппортунисты того времени—меньшевики тоже учили, что собственно говоря, совсем не обязательно насильственное революционное низвержение царизма. Они под давлением низов вынуждены были иногда принимать очень революционные по внешности резолюции, но вся их практика была направлена на то, чтобы убедить рабочий класс в возможности мирного исхода, мирного реформистского пути, **отговорить** рабочих от революции.

Партия рабочего класса, партия большевиков учила рабочий класс, что без вооруженного восстания, без насильственного низвержения царизма и без захвата власти рабочий класс не может освободить себя. А раз захват власти путем вооруженного восстания—то, конечно, нужна и соответствующая боевая организация, нужно, чтобы в ней была железная дисциплина, чтобы в ней был властный боевой штаб—Центральный комитет и чтобы вожди этого Центрального комитета пользовались непререкаемым авторитетом. Вот на основе чего строилась наша партийная организация.

классе, без партии, умеющей следить за настроением масс и влиять на него, вести успешно такую борьбу невозможно“.

Чем же держится дисциплина революционной партии пролетариата, чем подкрепляется? Ленин отвечает: во-первых, сознательностью пролетарского авангарда, его преданностью революции, его выдержкой, самоотвержением, героизмом. Поэтому, когда вопрос идет о партийной дисциплине, то каждый партиец должен себя с этой стороны проверить: как на самом деле он проявил сознательность пролетарского авангарда, в чем он проявил преданность революции, в чем проявились его выдержанность, самоотверженность, героизм. Каждый сегодняшний день требует величайшего героизма и сегодня для этого величайшего героизма есть место, и сегодня приходится показывать образцы самоотверженности, самопожертвования, и сегодня приходится показывать образцы величайшей сознательности тому, кто борется за социалистическую стройку по-настоящему, по-большевистски.

„Во-вторых,—говорит Ленин,—эта дисциплина революционной партии пролетариата проверяется и подкрепляется его умением связаться, сблизиться, до известной степени, если хотите, слиться с самой широкой массой трудящихся и в первую голову, с пролетарской массой, но также и с непролетарской трудящейся массой“.

Следовательно, каждый большевик должен проверять свою дисциплинированность, преданность партии еще и тем, насколько он связан с массами. Ведь у нас есть в партии люди, которые оторвались от масс.

У нас был такой тяжелый момент, когда в 1918-1920 гг. в Москве было невероятно голодно, четверку хлеба и то не каждый день мы могли обеспечить. Мы тогда организовывали массо-

вые митинги и в этот момент мы шли на заводы в рабочие массы. Во время одного из таких митингов эсеры даже пытались убить Владимира Ильича. Мы шли к массам в самые трудные минуты. И именно потому, что мы были связаны с массами, мы могли их вести за собой. Поэтому связь с массами требуется от каждого большевика.

Часто бывает так: большевик едет в вагоне трамвая или железной дороги, или стоит в очереди и около него ведется контрреволюционный разговор; он молчит, думает: лучше уж я ввязываться не буду, так спокойнее. Никуда негоден такой большевик. Большевик тот, кто умеет даже и против большой массы настроенных неправильно людей пойти и сказать им свое слово, убеждать их и убедить. Такую закалку нужно воспитывать в каждом большевике.

В-третьих, говорил Ленин, дисциплина авангарда подкрепляется и проверяется правильностью политического руководства, осуществляемого этим авангардом, правильностью его политической стратегии и тактики, при условии, чтобы самые широкие массы своим собственным опытом убедились в этой правильности.

Ленин говорил, что без этого правила, без этих условий попытки создать дисциплину превращаются в пустышку, в праздно кривляние.

X съезд партии в 1921 г. принял резолюцию о единстве партии, в которой говорится, что можно и нужно исключать за фракционную борьбу, за нарушение партийной и советской дисциплины не только рядовых членов партии, но можно, не дожидаясь съезда, исключать из состава ЦК и даже из партии членов ЦК. Съезд партии—это высший орган, он выбирает Центральный комитет, следующий съезд может переизбрать или не переизбрать того или иного члена ЦК. Но если член ЦК нарушил партийную дисциплину,—говорил Ленин,—то не зачем дожидаться следующего съезда, нужно собрать членов ЦК и ЦКК и двумя третями голосов исключить его из состава ЦК и даже из партии. Этот пункт резолюции X съезда гласит:

«Чтобы осуществить строгую дисциплину внутри партии и во всей советской работе и добиться наибольшего единства при устранении всякой фракционности, съезд дает ЦК полномочия применять в случае (я) нарушения дисциплины и возрождения или допущения фракционности все меры партийных взысканий, вплоть до исключения из партии, а по отношению к членам ЦК—перевод их в кандидаты и даже как крайнюю меру—исключение из партии. Условием применения (к членам ЦК, кандидатам ЦК и членам контрольной комиссии) такой крайней меры должен быть созыв пленума ЦК с приглашением всех членов контрольной комиссии. Если такое общее собрание наиболее ответственных руководителей партии 2/3 голосов признает необходимым перевод члена ЦК в кандидаты или исключение из партии, то такая мера должна быть осуществлена немедленно».

На основании этого Постановления X съезда, мы неоднократно исключали из состава ЦК нарушителей пар-

тийной дисциплины и единства нашей партии. Эта же мысль закреплена в уставе нашей партии в пункте «О партийной дисциплине».

«Строжайшая партийная дисциплина является первейшей обязанностью всех членов партии и всех партийных организаций. Постановление партийных центров должно исполняться быстро и точно. Вместе с тем, внутри партии обсуждение всех спорных вопросов партийной жизни вполне свободно до тех пор, пока решение не принято.

Неисполнение постановлений высших организаций и другие проступки, признаваемые общественным мнением партии, влекут за собой: для организации: порицание, назначение временного комитета сверху и общую перерегистрацию (ропуск организации); для отдельных членов партии—тот или другой вид порицания (постановка на вид, выговор и т. п.), публичное порицание, временное отстранение от ответственной партийной и советской работы, исключение из партии, с сообщением о поступке административным и судебным властям».

Устав нашей партии допускает самые разнообразные партийные взыскания в отношении членов партии. Почему? Потому, что может быть разная степень вины, различные меры партийного воспитания и партийных репрессий. Однако партия со всей решительностью требует этой железной партийной дисциплины как условия нашей борьбы. Без этой железной партийной дисциплины партия не мыслит успешную борьбу за социализм.

Борьба за единство партии требует самой решительной борьбы против всякого рода идеологических уклонов, против фракций и группировок. Само собой разумеется, что борьба с идеологическими уклонами требует определенного уровня знания теории, умения разобраться в различного рода выступлениях, умения различать, где—правильная защита партии,—где—ошибка товарища, происходящая от его неумения правильно выражать мысли, правильно разобраться, а где—уклон, т. е. защита чуждой пролетариату, чуждой нашей партии точки зрения.

Партия наша росла и крепла в борьбе с уклонами. Ленин даже так назвал одну из глав своей замечательной работы «Детская болезнь левизны»: «В борьбе с какими врагами внутри рабочего движения вырос, окреп и закалился большевизм». (том 25, стр. 179—186).

В этой главе он говорит о борьбе на два фронта, **против оппортунистов справа и против мелкобуржуазной революционности слева**.

Борьба за единство партии требует самого решительного отпора всяким попыткам примиряющего отношения к уклонам, она требует различать какой уклон в данный момент является наиболее опасным. Эта борьба должна вестись не только в теории. Надо бить крепко по оппортунизму на практике. Иной на словах клянется в верности партии, а на деле—оппортунист из оппортунистов.

Надо бороться решительно против всякой групповщины, против вся-

ких попыток обсуждать спорные вопросы не в партийном кругу, не на партийных собраниях, не в партийной печати,—в установленном партией по-

IV. Демократический централизм

Другой основой организации нашей партии является демократический централизм.

«Коммунистическая партия,—говорится в резолюции второго конгресса Коминтерна,—должна быть построена на началах демократического централизма. Главным принципом демократического централизма является **выборность высшей ячейки низшей ячейкой, абсолютная обязательность всех директив высшей ячейки для ячейки подчиненной ей и наличие властного партийного центра, являющегося бесспорным для всех руководителей партийной жизни от съезда до съезда**».

Выборность высшей ячейки низшей, собранием низовых ячеек, мы проводим во всей нашей партии. У нас каждый партийный комитет (бюро ячейки) на заводе, в учреждении выбирается общим собранием членов партии. Районный комитет выбирается на конференции района,—и так до съезда партии, где выбираются Центральный комитет и Центральная контрольная комиссия. Все руководящие учреждения нашей партии являются выборными.

Можем ли мы отступить от этого правила? Конечно, можем. Еще на X съезде партии, по вопросу о партийном строительстве, Ленин провел такое решение: «Партия революционного марксизма в корне отрицает поиски абсолютно правильной, годной для всех ступеней революционного процесса формы партийной организации, а равно и метода ее работы. Наоборот, форма организации и метода работы всецело определяются особенностями данной конкретной исторической обстановки и теми задачами, которые из этой обстановки непосредственно вытекают» (из резолюции X съезда ВКП(б) по вопросам партстроительства).

V. О самокритике и чистке партии

Партийная дисциплина должна сочетаться с самым широким развертыванием самокритики в партии. Что означает самокритика? **Самокритика—прежде всего, есть свойство пролетариата.** Маркс на это указал, когда он говорил, что «пролетарские революции постоянно критикуют сами себя, то и дело останавливаются на ходу, возвращаются к уже пройденному, сделанному, чтобы еще раз начать сначала, жестоко, основательно осмеивают половинчатость, слабые стороны и неверность своих первых попыток... Пока не настанет момент решающий, пока сами обстоятельства не скажут: «Покажи, на что ты способен». Это свойство пролетариата и свойство пролетарской революции—критиковать свои неправильные шаги—Ленин перенес целиком на нашу партию. Ленин говорил:

«Отношение политической партии к ее ошибкам есть один из важнейших и вернейших критериев серьезности партии и исполнения ею на деле ее обязанностей к своему классу и к трудящимся массам. Открыто признать ошибку, вскрыть ее причины, проанализировать обстановку,

рядке, а в своей группе, которая легко превращается в постоянную группировку и является шагом к созданию фракций.

Поэтому могут быть случаи, когда мы назначим того или иного товарища на руководящую работу с последующим утверждением его соответствующей организацией, когда это вызывается необходимостью.

По существу здесь нет никакого нарушения внутрипартийной демократии. Особенно же большое значение имеет подчеркнутое конгрессом Коминтерна указание о том, что для низшей ячейки обязательны директивы вышестоящего партийного органа. Конечно и здесь могут быть случаи, когда товарищ, видя что партийный комитет нарушает решения съезда, директивы ЦК, опротестовывает это решение местного партийного комитета, он **обязан** даже это сделать, **если он видит, что директивы ЦК нарушаются.** Разве не бывает таких случаев? Никуда не годится тот коммунист, который из-за соображений формального подчинения «дисциплине, будет выполнять решение местного партийного комитета, будучи убежденным, что это решение неправильно, что оно противоречит решениям съезда, или указаниям ЦК.

Громадное значение для строения нашей партии в духе демократического централизма имеет наличие властного партийного центра, являющегося бесспорным для всех руководителей партийной жизни от съезда до съезда.

Мы, большевики, всегда оберегали свой Центральный комитет, всегда защищали его непререкаемый авторитет. **Для нас большевиков, следовать указаниям Центрального комитета—это не формальность, а это исполнение боевого долга, исполнение боевых приказов своего революционного штаба, каковым для нас являлся и является наш ЦК, во главе с тов. Сталиным.**

ее породившую, обсудить внимательно средства, исправить ошибку—вот это признак серьезной партии, вот это исполнение ею своих обязанностей, вот это—воспитание и обучение класса, а затем и массы».

На январском пленуме ЦК т. Сталин именно так, как этого требовал Владимир Ильич, по-большевистски указал, что не только следует признавать ту или иную ошибку, допущенную организацией, а надо уметь вскрыть ее причины, проанализировать, показать, как ее надо исправить. У нас сплошь и рядом так получается, что признание ошибки превращается в формальность, а все дело ведь заключается в том, чтобы по-большевистски, а не формально признать ошибки и на деле, на фактах практической работы эту ошибку исправить.

На XI съезде партии в марте 1922 г. Ленин говорил:

«Пролетариат не боится признать, что в революции у него то-то вышло великолепно, а то-то не вышло. Все революционные партии, которые до сих пор гибли

Организационные принципы большевизма

(ОКОНЧАНИЕ. НАЧАЛО СМОТРИ НА 1-Ю СТРАНИЦУ.)

—гибли от того, что зазнавались и не умели видеть, в чем сила, они боялись говорить о своих слабостях. А мы не погибнем, потому, что мы не боимся говорить о своих слабостях, и научимся преодолевать слабости". Тов. Сталин, приводя это место из Ленина, поясняет: Вывод один: без самокритики нет правильного воспитания партии, класса, масс, без правильного воспитания партии, класса масс, —нет большевизма".

Следовательно, самокритика есть одно из необходимых условий существования большевистской партии.

Некоторые думают, что самокритика—это что-то парадное: идет чистка будем критиковать свои ошибки, чистка кончится—затем опять критиковать? Между тем, мы—единственная партия в нашей стране, и если мы не будем критиковать себя, если мы не дадим беспартийным рабочим и колхозникам критиковать партийца за его неправильные поступки—то это очень опасно. Ленин говорил, что наше государство—пролетарское, но с некоторыми бюрократическими извращениями. Если не критиковать эти бюрократические извращения, то возможно загнивание отдельных организаций.

Конечно, враг может использовать лозунг самокритики для опошления, для ошелмивания партии. Мы не должны этого позволять. Но ведь у нас бывает и обратное, когда человека за критику им недостатков организации объявляют склочником, приклеивают какой-нибудь уклон. Против таких грубых извращений лозунга о самокритике партия не-

однократно предостерегала и боролась. Партия никому не позволит зажимать самокритику.

Чистка партии самое острое проявление большевистской самокритики. Мы сильны тем, что мы наши слабости умеем вскрывать, находить причины и способы их исправления.

Наша партия—систематически, через каждые несколько лет, на всех важнейших этапах своей борьбы, перед всей рабочей и крестьянской массой проводит чистку своих рядов, привлекает трудящихся критиковать, вскрывает недочеты, ошибки и даже преступления той или иной организации, того или иного партийца. **Это величайшее проявление силы и уверенности нашей партии. Только партия, которая крепчайше связана с массами, которая не боится этих масс, а наоборот чувствует их большое доверие, привлекает их помощь, может на это пойти.**

Чистка партии есть одно из условий правильного существования нашей партии. Она помогает нам регулировать наш состав, помогает нам проверить любую организацию, любого члена партии под углом зрения определенных политических задач, стоящих в данный момент, очищает ряды партии от всех меньшевистских элементов. Это придает всей партийной организации огромную зарядку, подымает ее уровень, заостряет перед ней определенные задачи, укрепляет еще больше ее связь с массами. А связь с массами—это для нас важнейший принцип нашей работы.

VI. О приводных ремнях

Наша партия есть часть класса. Мы не должны смешивать партии с классом. Партия есть передовая часть рабочего класса. Партия—самая сознательная его но не весь класс часть, которая видит дальше класса, которая лучше, чем весь рабочий класс, понимает его задачи. Но авангард класса не мог бы вести за собой весь класс без связи с массами. Поэтому между партией и классом должна существовать целая система так называемых приводных ремней.

„Партия есть организованный отряд рабочего класса. Но партия не есть единственная организация рабочего класса. У пролетариата есть ряд других организаций, без которых он не может вести правильную борьбу с капиталом: профессиональные союзы, кооперативы, фабрично-заводские организации, парламентские фракции, беспартийные объединения женщин, печать, культурно-просветительные организации (во время открытых революционных выступлений), советы депутатов как государственная форма организации (если пролетариат находится у власти) и т. д. (Сталин—Вопросы ленинизма, изд. 9, стр. 68-69).

Каковы эти приводные ремни у нас? Это прежде всего мас-

совые организации рабочего класса—советы, профсоюзы, кооперативы и другие пролетарские организации.

Местные коммунистические фракции в любой из этих организаций—вот та сила, та часть механизма, которая должна приводить в движение эти приводные ремни от партии к массам.

А если коммунистическая фракция бездействует, если она лишь формально существует, как это у нас имело место в ряде профсоюзов, в ряде кооперативов и других организаций, то приводной ремень вертится вхолостую и партия не может передать свое влияние на массы, объединяемые этими организациями. Поэтому система приводных ремней нашей партии как массовой партии требует активного участия каждого большевика в работе. Если ты коммунист-работник завкома, если ты работаешь в любой ячейке Осоавиахима, в союзе безбожников, в обществе „Друг детей“ и т. п., то ты должен там явиться проводником решений своей партии, ее воли, должен работать так, чтобы все беспартийные массы, группирующиеся вокруг тебя, почувствовали влияние этих решений, явились их исполнителями.

туры или, во всяком случае, пролетарская диктатура может быть ослаблена. На этот вопрос очень хорошо ответил т. Сталин, в связи с решениями семнадцатой партийной конференции о бесклассовом обществе.

Тов. Сталин говорит, что не может быть и речи об ослаблении, пролетарской диктатуры в этот период. **Переход к бесклассовому обществу идет через усиление пролетарской диктатуры, а не через ее ослабление.** Может ли речь идти о том, чтобы ослабить влияние и руководство коммунистической партии? Конечно нет. Очищая свои ряды от всех негодных и разложившихся элементов, партия будет вбирать в себя новые и новые элементы из среды наилучших, передовых наиболее сознательных и революционных рабочих и колхозников. Влияние нашей партии будет все больше усиливаться.

Наша партия есть один из отрядов Коминтерна. Пролетарская революция и вся наша борьба за социализм в нашей стране есть часть нашей общей борьбы за мировую пролетарскую революцию. Окончательная победа коммунизма, такая победа, при которой мы не будем бояться никакой интервенции, —нами рассматривается **наипобеда мировой пролетарской революции и мы всю нашу работу делаем, подготавливаясь к этой мировой пролетарской революции.** Поэтому мы не можем даже представить себе, чтобы в этот период, когда еще в других странах существует капиталистическое хозяйство, власть империалистов, чтобы влияние нашей партии, сила и значение ее хотя бы в малейшей степени были ослаблены.

Вот что говорится в резолюции II конгресса Коминтерна о роли коммунистической партии в революции:

„Коммунистическая партия нужна рабочему классу не только до завоевания власти и не только во время завоевания власти, но и после того, как власть перешла в руки рабочего класса. История российской коммунистической партии, три года стоящей у власти в громадной стране, показывает, что роль коммунистической партии после завоевания власти рабочим классом не только не уменьшилась, а, напротив, чрезвычайно возросла.

На другой день после захвата власти пролетариатом партия его все-таки попрежнему остается только частью рабочего класса. Но это есть именно та часть рабочего класса, которая организовала победу. Коммунистическая партия в течение двух десятилетий, как это мы видели в России, в течение ряда лет, как мы видим в Германии, в борьбе не только с буржуазией, но и с теми „социалистами“, которые являются проводниками буржуазных влияний на пролетариат, впитывала в свои ряды наиболее стойких, наиболее дальновидных, наиболее передовых борцов рабочего класса. Только при налично-

сти такой сплоченной организации лучшей части рабочего класса возможно преодолеть все трудности, которые становятся перед рабочей диктатурой назавтра после победы. Организация новой пролетарской Красной армии, фактическое уничтожение буржуазного государственного аппарата, борьба против цеховых стремлений отдельных групп рабочих, борьба против местного областного „патриотизма“, прокладывание путей в области создания новой трудовой дисциплины—во всех этих областях решающее слово принадлежит партии коммунистов, члены которой своим живым примером ведут за собой большинство рабочего класса.

Необходимость политической партии пролетариата отпадает лишь вместе с полным уничтожением классов. На пути к этой окончательной победе коммунизма возможно, что удельный вес трех основных пролетарских организаций современности (партия, советы и производственные союзы) будет изменяться и что постепенно выкристаллизуется единый тип рабочей организации. Но коммунистическая партия растворится полностью в рабочем классе лишь тогда, когда коммунизм перестанет быть объектом борьбы и весь рабочий класс станет коммунистическим“.

Понятно, когда весь рабочий класс станет коммунистическим, тогда незачем будет иметь какую-то особую коммунистическую партию.

Нам предстоит большие бои, нам придется разрешать труднейшие задачи. Мы выполняли ряд таких задач на всем протяжении этих 30 лет существования партии именно потому, что зорко охраняли и крепили организационные принципы большевистской партии, потому, что партия росла и закалялась в борьбе с оппортунизмом, со всякими попытками оппортунистических извращений нашей линии справа и „слева“.

Эти принципы требуют от каждого коммуниста, чтобы он высоко ценил и изучал марксистско-ленинскую теорию; чтобы он был дисциплинированным членом своей партийной организации и большевистски выполнял все ее решения; чтобы он поддерживал железную дисциплину воюющей, боевой партии и боролся за ее единство против всякой фракционности, против всякого оппортунизма; чтобы каждый член нашей партии помнил о необходимости теснейшей связи с массами, помнил о том, что он обязан защищать партийные решения, вскрывать посредством партийной критики всех тех, кто извращает эти решения.

Если мы эти принципы на которых строилась наша партия, будем по-большевистски отстаивать, то какие бы ни были трудности впереди, какие бы ни были сложные задачи, мы их разрешим и сумеем довести дело Ленина до конца, до полной победы коммунизма.